

Нам - 85!

ISSN 0012-6756

**Дружба
народов**

3/2024

В номере:

Исчезновение

Роман Дмитрия ИСАКЖАНОВА «Проскинитарий» можно смело назвать романом исчезновения. Романом-исследованием исчезновения человеческих отношений. Автор использует термин «проскинитарий» в его старорусском смысле — походов в иные земли: «Здесь нет времени и нет времён года... Здесь не нужны ни часы, ни календари... Иной мир, не знающий ни боли ухода, ни скорби прощания. Возраст твой — тайна, и число лет твоих не открыто никому, ибо некому спросить в пустыне о том, что помнит она, где её сердце, где её память. Всяк спешит уйти из неё к благословенным волнам океана, но воды его горьки...» И хотя сюжетная рамка романа весьма непривычна: возвращение героя из Арабских Эмиратов в Россию, домой, в рушащийся мир семьи, — это роман прежде всего о времени, в котором проживается, изживается жизнь, времени, в котором островками возникают воспоминания о детстве и взрослении, люди (прежде всего — самые близкие: мать, поиски неизвестного ему отца в себе, истончающаяся в разлуках любовь жены, маленький сын), всё, что он «видел, всё, что он слышал, всё, что вдыхал лёгкими и впитывал через кожу».

«Чтоб не было время в обузу»

«Куражится март вопреки февралю/ и вместо «умри» заявляет «люблю»/ окрестностям страха и праха...» Стихи Сергея ПОПОВА — лирика высокого напряжения, наполненная энергией гражданственности. Совсем в иной тональности звучат пронзительные в своей ностальгии строки Ильи ФАЛИКОВА: «К белому обрыву, к синеморью,/ где летают лебеди трубя,/ дальше, к семиречью, к семигорью,/ не было б которых без тебя». В стихах о любви Евгении Джен БАРАНОВОЙ разлука и страх одиночества («Ты уедешь — я умру») выражены яркой метафорой: «жизни сломанный утюг». Некое путешествие в идеальное прошлое, «когда искажения и уловки/ ради одной возможности/ быть неуловимым», — в подборке верлибров «На берегу солёного времени» казахстанского поэта Заира АСИМА.

«Мой дедушка — Мартирос Сарьян»

«...Мы жили в царстве живописи. “С ума сойти!” — реакция гостя, впервые перешагнувшего порог нашего дома, стены которого были сплошь увешаны картинами. <...> Мои воспоминания о прожитых рядом с дедушкой годах — ряды этих картин в мастерской. Я выбираю только те, которые считаю наиболее подходящими для показа. Но в каждом полотне-воспоминании присутствует маленькая частичка образа и души художника. Такого близкого, такого родного и такого недосыгаемого великого.» В рубрике «Проза.doc» — озарённые светом любви и благодарной памяти воспоминания Катарини САРЬЯН «Мой вернисаж». Персональные и групповые портреты, бытовые зарисовки, жанр, пейзаж и политический плакат, контурные наброски и пёстрые коллажи: горькая и счастливая история большой семьи, в центре которой — жизнь и судьба Художника.

Два письма на одну тему

Что значит: обогнать своё время? Зачем нашим прекрасным потомкам дарить нам атомную бомбу? А может, наше будущее принадлежит Дьяволу и это он отправляет нам сомнительные «дары»? И вообще, есть ли оно — будущее? Геннадий ПРАШКЕВИЧ множит вопросы. «Время, в высшем смысле, определяется не однообразным тиканьем часов, а рождением нового, новых идей, образов, проектов, — отвечает ему Алексей БУРОВ. — Подарки из будущего случаются потому, что какие-то люди решают трудные задачи, добывая само будущее как великий дар». На страницах «ДН» продолжается диалог писателя и учёного. На этот раз — «О “подарках” из будущего».

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

*Основан
в марте 1939 года*

Редакционная коллегия

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»;
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.01.2024.
Подписано в печать 19.02.2024.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ . Цена свободная.

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Леонид
БАХНОВ
Ирина
ДОРНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА
Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЕВ

Редакционный совет

Мария
АНУФРИЕВА
Сухбат
АФЛАТУНИ
Муса
АХМАДОВ
Ольга
БАЛЛА
Дмитрий
БИРМАН
Ольга
БРЕЙНИНГЕР
Денис
ГУЦКО
Фарид
НАГИМ
Илья
ОДЕГОВ
Валерия
ПУСТОВАЯ
Ренат
ХАРИС
Александр
ЧАНЦЕВ
ЭЛЬЧИН

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Сергей ПОПОВ. Где ангельский голос над пеклом земли. <i>Стихи</i>	3
Дмитрий ИСАКЖАНОВ. Проскинитарий. <i>Роман. Продолжение</i>	9
Илья ФАЛИКОВ. Форточка в Москву. <i>Стихи</i>	87
Александр МЕЛИХОВ. Завещание осла. <i>Повесть</i>	92
Владимир ЛИДСКИЙ. Мёртвый живой. <i>Рассказ</i>	111
Евгения Джен БАРАНОВА. Креозот. <i>Стихи</i>	121
Елизавета МАКАРЕВИЧ. Искусство аранжировки цветов. <i>Рассказ</i>	125
Диана СВЕТЛИЧНАЯ. Рассказы из цикла «Искажения»	145
Заир АСИМ. На берегу солёного времени. <i>Стихи</i>	155

ПУБЛИЦИСТИКА

Алексей БУРОВ, Геннадий ПРАШКЕВИЧ. О «подарках» из будущего. <i>Два письма на одну тему</i>	158
--	------------

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Антон АЗАРЕНКОВ. Первое (и лучшее)	165
--	------------

ПРОЗА. ДОС

Катарина САРЬЯН. Мой вернисаж	167
-------------------------------------	------------

КРИТИКА

Евгений АБДУЛЛАЕВ. Семь нот ушедшего года. <i>Поэтические сборники — 2023</i>	219
Николай ПОДОСОКОРСКИЙ. Турбулентность в головах, смена караула и власть технологий. <i>Образ будущего в романах Виктора Пелевина: от «Лампы Мафусаила» к «Путешествию в Элевсин»</i>	233

NON-FICTION PRO

Александр ЧАНЦЕВ. В присутствии тишины. <i>О различных конstellляциях религиозного и политического</i>	244
--	------------

БИБЛИОНАВТИКА

Ольга БАЛЛА. В тончайшей сейсмике (<i>Ш.Абдуллаев. «Перечень: эссе»;</i> <i>Ю.Серебрянский. «Книга о вкусной и здоровой казахстанской литературе»</i>)	260
--	------------

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Читать и играть	268
-------------------------------------	------------

Summary	272
----------------------	------------

Николай Подосокорский

Турбулентность в головах, смена караула и власть технологий

*Образ будущего в романах Виктора Пелевина:
от «Лампы Мафусаила» к «Путешествию в Элевсин»*

За Виктором Пелевиным давно и прочно закрепилась слава крупнейшего российского визионера, способного уловить ключевые тенденции ближайшего и отдаленного будущего и запечатлеть их в ярких образах своей высокохудожественной прозы, которая является ничуть не более сюрреалистичной, чем реальность, ныне данная нам в ощущениях. И хотя в определенных кругах до сих пор бытует мнение о Пелевине как о всего-навсего талантливом сатирике, даже трикстере, который лишь более или менее удачно иронизирует над актуальными проблемами России и Запада, прикрывая свою игру ума флёром восточной философии, на самом деле юмор в творческой лаборатории писателя играет чисто служебную роль, позволяя таким эффектным (и эффективным) способом (просвещая через развлечение) доносить до массового читателя глубинные смыслы вещей и явлений, приоткрывающих подлинную суть человеческой жизни.

Особенностью серии романов Виктора Пелевина последних лет (некоторые из них объединены общими персонажами и сквозными мотивами) является присутствие в них подробного и непротиворечивого образа будущего, тщательно продуманного и описанного автором. Попробуем обратиться к его книгам, изданным с 2016 по 2023 год, чтобы обрисовать контуры той картины мира будущего (от ближайших десятилетий до последующих веков), которая в них содержится. Однако сразу же оговоримся, что Пелевин-мыслитель не отделим от Пелевина-художника, и вычленив из его произведений описание будущего России и мира, никак нельзя воспринимать их как прямые публицистические высказывания или некий политический манифест автора.

Относительно заведомо обреченных на неудачу попыток истолкования его художественных произведений как *публицистических* иронизировал сам Пелевин, высказавшись однажды как будто о романе своего героя — философа и историка К.П.Голгофского — «Искусство Лёгких касаний»: «Попытки критического анализа романа, мелькавшие в печати, были малоуспешны. Это одна из тех книг, которые

Подосокорский Николай Николаевич — филолог, критик. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М.Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН. Автор многочисленных научных и литературно-критических трудов, специалист по творчеству Ф.М.Достоевского и русской литературе XIX—XXI веков. Живет в Великом Новгороде.

ставят наших критиков в тупик, и причину определил сам Голгофский: "...Российский филолог сталкивается здесь с непростой задачей написать политический донос на текст, которого он не понимает в принципе". Наш автор не любит критиков» [Пелевин, 2019, с. 135–136].

Тем не менее честная реконструкторская работа, посвященная изучению поздних пелевинских романов как единого текста о грядущем, может помочь понять наше будущее столь же ясно, сколь в этом вообще помогает изучение различных авторитетных пророчеств и поэтических прозрений, которые всегда сбываются не буквально, а в духовном и культурном смысле, влияя на поведение многих людей самим фактом своего актуального присутствия в их памяти. В этом смысле Пелевин, конечно, как и другие гениальные художники слова, не столько предугадывает будущее, сколько формирует его возможную версию, вовсе не оставаясь отвлеченным созерцателем различных катаклизмов и пертурбаций.

Роман писателя «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами» (2016) на новом материале раскрывает давние авторские размышления о личном и историческом временах, которые наслаиваются друг на друга, создавая множество параллельных вселенных. В самом начале романа о представляемом будущем говорится уже как о прошлом, которое так и осталось несбывшейся утопией, не став ни *зеленым*, ни *ненасильственным* [Пелевин, 2016, с. 11]. Прошлое и будущее при этом могут меняться местами, потому что сознание одних людей опережает их эпоху, а других — отстает от нее. Кроме того, в уже прожитой эпохе можно увязнуть еще надолго. Один из *мелких лейтенантов Мамоны* Кримпай объясняет это на следующем примере: «...Девяностые вовсе не кончились. Просто раньше они происходили со всеми сразу, а теперь случаются в индивидуальном порядке» [Пелевин, 2016, с. 24]. По мысли Кримпая, каждый видит то будущее, которое отвечает его актуальным внутренним ценностям. К примеру, сам упомянутый герой, сосредоточенный на заработке денег, формулирует эту проблему таким образом: «Нет, мы не знаем, конечно, полной картины грядущего, но фокус именно в том, чтобы увидеть в щелочку ровно столько, сколько необходимо для получения прибыли — и отвернуться от остального. Это по какой-то причине допускается. Захотите большего, и против вас повернутся законы природы» [Пелевин, 2016, с. 75].

В «Лампе Мафусаила» Пелевин в иронической форме выдвигает в качестве национальной идеи России сознательный отказ от жизни в настоящем ради защиты великого прошлого и борьбы за достойное будущее. Генерал ФСБ Фёдор Михайлович Капустин (его имя — отсылка к Ф.М.Достоевскому, на что обращает внимание сам автор), совершив с коллегами путешествие в прошлое, заявляет Маркиану Можайскому: «У России всегда великое прошлое и еще более великое будущее. А вот с настоящим сложнее» [Пелевин, 2016, с. 148]. В этом качестве Россия похожа на своих *инопланетных кураторов* (названных в романе «расой бородачей»), которые одновременно живут в прошлом и в будущем, отсутствуя при этом в настоящем, и обладают сверхъестественной способностью «запускать разные сквозняки из прошлого в будущее» [Пелевин, 2016, с. 148] путем применения «причинно-следственного оружия», называемого «корректором истории». За этой фантазмагорией легко просматривается способ бытия новейшей российской государственности, ориентированной не на обеспечение счастливой жизни народа, но на защиту своей *истории*, регулярно переписываемой в угоду самым фантастическим планам по формированию будущего. Один из *прошлонавтов-чекистов*, ученый-физик Карманников, поясняет: «В чем главное содержание человеческой жизни? Люди меняют будущее, действуя в настоящем. Мы делаем то же самое — только невидимым окружным путем» [Пелевин, 2016, с. 162].

Российское и всемирное *настоящее* во второй части этого романа описывается дворянину Можайскому как далекое *будущее*, которое вовсе не становится менее таинственным оттого, что читатель уже знает его в общих чертах как современник.

Того, кто все же способен приоткрыть для себя будущее, зачастую ждет тяжелое разочарование. Так, Маркиан Можайский признается: «Возможность заглянуть в самое сердце грядущего представилась мне по чистой случайности. И положила руку на сердце скажу вам, Елизавета Петровна, — знай я заранее, что откроется моему взору, я не проявлял бы такого любопытства» [Пелевин, 2016, с. 165].

В финале романа высокопоставленный масон в маске Месяца рисует генералу Капустину перспективы взаимоотношений США и России:

«Мы проводим анализ, делаем математические аппроксимации. И все они указывают, что где-то в будущем будет tipping point [переломный момент]. Момент, где shit will finally hit the fan [говно свалится в вентилятор]. В этом сходятся практически все модели — они только дают разный срок. Будет кризис, по сравнению с которым все прошлые экономические катастрофы покажутся детскими утренниками. Это случится, когда кредиторы потеряют веру в нашу способность заплатить долги деньгами, у которых остается, как это по-русски, value [ценность]. Вы же понимаете, что даже в свободном обществе промывание мозгов работает только до определенных границ. Рынок — это огромное стадо пугливых баранов. И если все бараны вместе побегут из доллара, над планетой понесется финансовое цунами — и смоеет человеческую цивилизацию как мы ее сегодня знаем. Ужас в том, что мы не сможем эту волну остановить — и начнется она, скорей всего, на нашем собственном Уолл-Стрите... Как вы думаете, что случится дальше?

— Полная финансовая катастрофа? Коллапс Америки?

— Нет, — сказал Месяц. — Война. Та самая, большая и страшная, искупительная война, которая опять зачистит все бухгалтерские книги. А воевать в ней, как вы, наверно, догадались, снова будете вы. Причем, скорей всего, сами с собой. При хорошем исходе у нас будет новый Бреттон-Вудс, а у вас — новый День Победы. А при плохом... При плохом исходе в этой войне вместе с бухгалтерскими книгами сгорит весь мир. Но выбора нет» [Пелевин, 2016, с. 400—401].

Уже в 2016 году писатель предсказывает наступление эры *турбулентности*, в ходе которой США попытаются усилить свое критически снижающееся влияние в мире. Тот же брат Месяц описывает это в следующих тонах:

«В мире должен быть порядок. Турбулентность, как выразился ваш классик, должна быть в головах. А для этого нужно пугало. Страшное. И, главное, большое — потому что малыш Ким в одиночку выглядит уже немного смешно. Знаете, Теодор, вы так хорошо поняли "Звездные войны", что я скажу вам прямо: если бы России не было, пришлось бы ее придумать. Медведь в посудной лавке — это прекрасно. Гибридная война всех со всеми — именно то, что нужно. Провокации, всякие инциденты. И ракеты, ракеты. Больше ракет! Залпом, залпом! Европа сохраняет единство. НАТО выходит из кризиса. Носатые ушастики пробивают финансирование новой Звезды Смерти. И все-все сидят в долларе. Замечательно! Так держать! <...> Но это не все, — сказал он, — самое главное, мы запускаем новый раунд количественного смягчения в виде расходов на холодную войну. Проще говоря, вы, ребята, даёте нам легитимный повод опять включить печатный станок. Просто подарок с неба. Так что бейтесь головой о стену и дальше, но уже с отчетливым пониманием, что служите цивилизации. Только согласовывайте по спецканалам» [Пелевин, 2016, с. 402—403].

Если в «Лампе Мафусаила» герои путешествуют из настоящего в прошлое в целях исправления будущего, то в следующем романе Пелевина iPhuck 10 (2017), написанном от лица литературно-полицейского алгоритма Порфирия Петровича, время основного действия перенесено в будущее, а именно во вторую половину XXI века (точнее — в 2060-е годы), в которой текущая культурная ситуация описывается как «новая неискренность» [Пелевин, 2016, с. 41], а любые половые контакты между людьми считаются предосудительными якобы из-за опасности заражения и «неизбежных» мутаций возможного потомства (свои сексуальные потребности большинство теперь удовлетворяет при помощи специальных «айфаков», оснащенных искусственным

интеллектом и дополненной реальностью). Одной из причин такого положения вещей стали выведенные транснациональными корпорациями «лечебные» вирусы, впоследствии «вышедшие из-под контроля».

«— Известно, — перебил один из свинок, — что три крупнейшие фирмы Big Data, я их не называю, чтобы не было исков, но вы знаете, о ком я говорю, — так вот, они еще в десятых годах нашего века совместно финансировали микробиологические исследования, в том числе создание новых вирусов. Лечебных, как они утверждали. Все это тогда звучало очень модно: наноботы, путешествующие по сосудам вашего тела, вирусы-ремонтники, способные лечить от рака... Но почему-то после того, как появился юкатанский герпес и Зика-два, когда стали рождаться эти жуткие микроцефалы, никакой информации о лечебных вирусах больше не появлялось. Засекретили. <...> А как, по-вашему, произошла мутация к Зике-три? Вирус, который разносили комары, стал передаваться воздушно-капельным путем. Мало того, заражение гарантирует почти стопроцентную мутацию потомства. При этом никакой лихорадки, температуры — никаких вообще симптомов! Никакого вреда для здоровья носителя... Сегодня инфицированы практически все. Во всяком случае, из этого исходит правительство и медицина. Природа не смогла бы за такой короткий срок изготовить настолько совершенный биологический инструмент. Это сделала Big Data с чудовищным [...] во главе! <...> Чтобы маргинализировать естественный секс между людьми <...> Все было устроено для того, чтобы мы спали с манекенами и размножались только через пробирку, где можно отсечь ненужные генетические последовательности! Работа шла по двум направлениям: сделать это законом и одновременно криминализировать почти все естественные сексуальные действия, даже интенции одного живого человека по отношению к другому» [*Пелевин, 2017, с. 50—51*].

Прозрения писателя отчасти оправдались уже в период пандемии COVID-19, когда меры противодействия эпидемии со стороны властей во всем мире зачастую оказались гораздо тяжелее и чудовищнее по своим последствиям, чем сама эпидемия. Создание новых вирусов в мире будущего объясняется в романе iPhuck 10 не только общим стремлением государств жестко дисциплинировать выходящее из-под контроля население, но, в первую очередь, необходимостью поддержать и увеличить рынок продаж новых гаджетов (прежних смартфонов, планшетов и проч.), привязав их к сфере роботизированных сексуальных услуг, успех продвижения которых обусловлен их безальтернативностью.

Политическая карта мира второй половины XXI века представлена в романе довольно подробно. В России после «бурных событий двадцатых и тридцатых», когда, по всей видимости, произошел полный слом прежней системы, была (в самом конце 2030-х годов) восстановлена абсолютная монархия (к моменту начала романа она существует уже четверть века). Все новые русские цари принадлежат к династии Михалковых-Ашкеназов (главным источником генетического материала для выведения этого клана послужили волосы из левого уса режиссера Никиты Михалкова, но, кроме того, технологии позволили добиться, чтобы «произведенный» император был также «галахическим евреем», а технически еще и «негром»), были генетическими дублерами друг друга и носили одинаковое имя Аркадий. Вот как об этих величественных событиях рассказывает историк-искусствовед Мара Гнедых:

«Получившийся государь вышел приятным на вид кучерявым толстяком, характер имел добрый и мягкий, вот только любил стрелять из нагана ворон и кошек. Закон "Об Императорской Фамилии" и принимали в основном для того, чтобы пресса держалась подальше от подобных жареных фактов (ну или слухов). Иной необходимости не было — родственники у императора отсутствовали. Было только двенадцать клонов, выращенных и воспитанных вместе в специальном классе Пажеского корпуса. Обсуждение этого обстоятельства, а также сплетни про образ жизни теньевых Государей не приветствовались. Но, когда самолет Аркадия Первого сбили дроны Халифата и трон занял совершенно неотличимый Аркадий Второй, о существовании дублеров

узнали, конечно, все. Генетическое дублирование Высочайших Особ было признано мудрой государственной политикой. Аркадий Второй женился на балерине, Аркадий Третий умер от гемофилии, Аркадий Четвёртый отрекся в пользу Аркадия Пятого, а допившегося до цирроза Аркадия Пятого уже в зрелом возрасте сменил нынешний государь, Аркадий Шестой. И у всех были одни и те же привычки, как могли убедиться вороны и кошки в окрестностях Малого дворца на Рублёвке. При этом даже сейчас на запасном пути у нас стоит аж целых шесть пожилых бронепоездов, так что никакой террор нам по большому счету не страшен» [Пелевин, 2017, с. 351].

Священную особу императора «по общей Русской Воле» защищает «от лихого слова» закон «Об Императорской Фамилии». «Это, по сути, *lèse-majesté* древнеримских времен — закон об оскорблении величества, распространяющийся на всю Высочайшую Семью. Его принимали как одну из множества связанных с монархией ритуальных скреп, и рассчитан на реальное применение он, конечно, не был. Просто потому, что у Государя никаких родственников нет» [Пелевин, 2017, с. 349]. Однако наказать за «нарушение» этого закона по старой неписаной традиции все равно могли любого.

Российская империя при Михалковых-Ашкеназах была принята в обновленный Евросоюз, зажатый «между Халифатом в Европе и государством-сектой Дафаго, чьи земли начинаются за Уральскими горами. Границы у Халифата и Дафаго нет, но уже семь лет между ними идет война из-за разного истолкования небесных знамений. Воюют с помощью сверхдальних крылатых ракет с конвенциональной боевой частью ограниченной мощности, а Евросоюз берет деньги за их пролет над своей территорией. Бомбардировщики мы не пропускаем “по гуманитарным соображениям”, но на самом деле потому, что так война может слишком быстро кончиться» [Пелевин, 2017, с. 101]. Кроме того, «Дафаго официально воюет с Халифатом, Халифат воюет с Америкой, Америка уже сколько лет воюет сама с собой (да и про наш Евросоюз можно сказать то же самое) — а Единый банк работает везде. Но это, возможно, и есть та последняя скрепа, что удерживает наш пылающий и разобщенный мир вместе» [Пелевин, 2017, с. 69].

Примечательно и будущее Великобритании и США, каким оно видится автору iPhuck 10. «Англия как была страной-спецслужбой, так ею и осталась. Дроны через Ла-Манш не летают, а те русачки, что там работают, во время кратких визитов на родину улыбаются и помалкивают» [Пелевин, 2017, с. 203]. Отношения Англии с Халифатом внешне выглядят враждебными, но по сути давно и прочно переведены на коммерческие рельсы, так что фанатичные воины Халифата прекрасно отдают себе отчет о границах дозволенного:

«Халифат, конечно, не просто так остановился на Ла-Манше. Вернее, не бесплатно. «Скажи-ка, дядя, ведь не даром?» — как острил поэт Лермонтов, намекая на якобы полученные с Наполеона отступные. Взять Альбион могли одним налетом миллиона джихади на мотодельтапланах с привязанными детьми — от «саранчи Пророка», как они себя называют, никто еще не спрятался, а всерьез отбиваться — такой плохой видеоряд, что не решился бы даже Ебанк. Но почему-то этого не случилось. Так что правильно в ролике растирают — про хрусты плохо говорить не следует. Они ходят и в Халифате тоже, а там за одно неразумное слово на вас легко могут выписать экстерриториальную фатву. Дворник-таджик подойдет и поправит» [Пелевин, 2017, с. 203].

В США же выделились по расовому признаку несколько образований, из которых главными являются USSA и NAC:

«Велферленды — это нечто вроде позитивно-экологических плантаций, только не рабских, а наоборот: поселения, где освобожденные от всех форм эксплуатации афроамериканцы свободно самовыражаются и делают, в общем, что хотят — им как бы с процентами возвращают отнятый когда-то рабовладельцами рай. “Города солнца” для латиносов — это примерно то же самое, только с другим культурно-мифологическим

колоритом: в них проклинаят Колумба и исповедуют культ грядущего государства Ацтлан.

Задач у обитателей велферлендов, по большому счету, две: рожать со скоростью, нейтрализующей любую электоральную угрозу, и голосовать за выделяющих велфер левых, которые благодаря этому держатся у власти в USSA так же неизбежно, как правые в НАС (что в этом контексте значат слова "левые" и "правые", я не понимаю совершенно и не собираюсь — просто повторяю вслед за СМИ).

Из-за Зики-три в велферлендах рождается много физических уродцев и бедняк с разного рода ментальными отклонениями. Они сразу приобретают неприкосновенный гуманитарный статус — и требуют еще больше велфера. Право голоса на выборах у них, конечно, есть — некоторым ментальным категориям даже полагается по два или три голоса по аффирмативному закону, но от одного велферленда к другому это меняется. В USSA есть свои карикатурные правые — главный политический пункт их программы именно в том, чтобы прекратить финансирование велферлендов и "городов солнца", на которое уходят все собираемые с Силиконовой Долины налоги. Они получают на выборах около двух процентов голосов (злые голоса говорят, что Ебанк спонсирует их именно для этого). Еще тридцать-сорок процентов берет так называемый anti-establishment candidate, которого истеблишмент регулярно выдвигает вот уже полвека. Он всегда приходит вторым» [Пелевин, 2017, с. 187—188].

В другом пелевинском романе — «Тайные виды на гору Фудзи» (2018) — о будущем герои чаще размышляют лишь мимоходом, пытаются увидеть его то *в зеркале* [Пелевин, 2018, с. 41], то *во сне* [Пелевин, 2018, с. 187], но в целом признавая, что оно «неясно, а смерть неизбежна» [Пелевин, 2018, с. 230]. Вместе с тем, их размышления о природе человека порой оборачиваются вообще отрицанием «времени» как основополагающего измерения жизни:

«Дело в том, что мы живем не в «мире», не в «пространстве» и не во «времени», не среди ощущений и переживаний — мы живем в нарративе, в сказке. Мало того, мы не просто живем в нем, мы сами тоже нарратив. И даже высокодуховные граждане, думающие, что живут в "здесь и сейчас", на самом деле живут в нарративе "здесь и сейчас". Часть нарратива повествует про "нас", часть про "мир", они переплетены между собой и создают замкнутую скорлупу, из которой нормальный человек не высовывает носа до самой смерти. Не из косности или трусости, а потому что он сам — просто рисунок на этой скорлупе. Рисунок ведь не может высунуться сам из себя, сколько бы разные Эшеры ни изображали подробнейших схем такого процесса: это будут другие рисунки, и только. Нарративный ум — как бы встроенное в нас СМИ, которое делает вид, что информирует нас о "событиях нашей жизни", но на деле просто погружает нас в глюк, где нам велено жить. А еще точнее — создает фейк, называющий себя нами» [Пелевин, 2018, с. 225—226].

Здесь речь идет о том, что подлинный масштаб любого человека неизбежно больше навязанной ему социальной роли согласно позитивистским представлениям о мире, и что за профанным *нарративом*, плодящим одни только фейки, всегда скрывается священная история, в которой концентрированно присутствует некая высшая реальность. В конце романа указывается на то, что в индийской мантре «Ом» содержатся одновременно «прошлое, настоящее и будущее» [Пелевин, 2018, с. 389]. Собственно и весь роман обыгрывает буддийские способы достижения просветления, в котором граница между временами стирается.

В повести «Искусство лёгких касаний», давшей название сборнику произведений Пелевина 2019 года, одноименный вымышленный роман, который пишет историк Голгофский (саркастически названный автором «нашим Нострадамусом» [Пелевин, 2019, с. 360]), завершается тем, что Россия и США все же ввязались в Третью мировую войну, которая «прошла быстро, беззвучно — и в ней не осталось ни победителей, ни проигравших» [Пелевин, 2019, с. 358]. Взаимный обмен ударами сверхмощного оружия — царь-химер — в одночасье изменил всю культурную и общественную ситуацию в обоих государствах, после чего все разом оказались... «в жопе». Как обстоятельно поясняет

специфику этого положения ученый Голгофский: «...Что есть жопа в научном смысле? Жопа есть то, что нельзя пройти насквозь, отрезок пути, который придется перематывать назад, и чем глубже уходит в нее наш голубой вагон (а хоть бы и бронепоезд — толку-то что?), тем дальше потом придется пятиться к свету, что был когда-то в начале тоннеля... А в конце этой жопы никакого света нет. Вернее, он там есть — и такой яркий, что все наши химеры в нем сразу сгорят. Но смотреть на него можно будет только через толстое черное стекло, и совсем недолго» [с. 359—360].

Характерно, что в первой новелле этого сборника — «Иакинф» — было также показано, как *двурогий господин прошлого и будущего* Кронос (Сатурн), возвращаемый к жизни своим жрецом, поглощает четверых молодых людей, которые сами называют себя моделью Новой России [Пелевин, 2019, с. 15]. В финале их путешествия от этой модели Новой России не осталось и следа, кроме царапин на священном кавказском камне.

В романе «Непобедимое Солнце» (2020), вышедшем в самый разгар эпидемии ковида, один из второстепенных персонажей — бойфренд главной героини Саша Орловой — Антоша, так же, как и Голгофский, является писателем. В числе прочих замыслов, он работает над «абсолютно новаторским» романом о судьбах России, который назывался «Не Кличь Судьбину» [Пелевин, 2020, с. 324]. На его первых страницах давалась «широкая панорама предкризисной российской жизни» (в том, что будет кризис, он не сомневался) [Пелевин, 2020, с. 324]. Развитие же «сюжета» ожидалось следующее: «Россия будет слабеть, блуждая в аравийских песках и европейских трибуналах, начнется кризис, а потом некая партия, первоначально организованная властями для политической клоунады, сметет тирана вместе со всей его кликой (имеются в виду сетевые опричники) и начнется золотой русский век» [Пелевин, 2020, с. 327—328]. Саша Орлова, ознакомившись с этим «эпическим» вариантом становления русского мира, заметила: «Я не знаю, иронизировал Антоша или нет, но мне прямо захотелось в эту новую Россию. Во всяком случае, из первых двух блоков его романа я бы туда точно переехала» [Пелевин, 2020, с. 328].

Наконец в последних на настоящий момент романах писателя 2021—2023 годов, образующих единую трилогию, Пелевин касается более отдаленного будущего России и мира, развивая вместе с тем и свои прежние идеи. Первая книга цикла Transhumanism Inc. (2021) начинается с эпиграфа: «Главный вопрос, который ставит перед нами будущее — это кого туда пустить. *Атон Гольденитерн, CEO TRANSHUMANISM INC.*» [Пелевин, 2021, с. 5]. *Попасть в будущее* в данном контексте означает подключить за большие деньги или за особые заслуги перед могущественнейшей глобальной корпорацией свой мозг к баночной системе компании Transhumanism Inc., позволяющей продлевать его жизнь и после смерти остального физического тела. «Возможность перейти из одного мира в другой уже третий век является одной из главных социальных мотиваций человека — хотя по понятным экономическим причинам она открыта не всем...» [Пелевин, 2021, с. 34].

Основное действие романа Transhumanism Inc. происходит в условном 206 году некой новой эры Green Power, или через несколько веков после событий, описанных в романе iPhuck 10, а если точнее, то примерно в середине XXIV столетия, то есть через двести с небольшим лет после завершения эпохи «айфаков», в которую «люди почти на целый век прекратили заниматься друг с другом любовью» [Пелевин, 2021, с. 115]. Российская империя к тому времени приказала долго жить, а последние представители императорской династии Михалковых-Ашкеназов были расстреляны, и на смену им пришли новые большевики — сердоболы (очередной намек на закольцованность российской истории). Во главе Доброго Государства (так теперь официально называется современная Россия) стоит тайный военный диктатор, называемый «бро кукуратор», мозг которого давно живет в одной из банок Transhumanism Inc., хранилища которой расположены в Лондоне, откуда от его имени и отдаются различные приказы (при этом никто из высокопоставленных «баночников» не может быть полностью уверен, что приходящие им в голову мысли — их собственные):

«В маленьких буквах был смысл: смирение перед народом. Морщины на лбу и ранняя седина на висках подчеркивали лежащий на вожде груз, но молодость намекала, что бро готов нести свою ношу еще много-много лет, декад и столетий. Имени-матчества у бро кукуратора теперь не было. Прошлого тоже — оно было полностью стерто. Не было даже фамилии, только должность: кустодиан развития и куратор гейзера. Все личное он отринул давным-давно, приняв баночную вахту за рулем Доброго Государства после свержения клонированной династии Михалковых-Ашкеназов. Вопрос о настоящем облике бро кукуратора был, конечно, сугубо философским — потому что тела у него не было. На портретах в присутственных местах его изображали статным красавцем в зените земной жизни — на основе «реального исторического облика», в достоверности которого многие сомневались. Остальных баночных сердоболов лепили по той же схеме, стараясь только, чтобы никто не выглядел мудрее и моложе самого кукуратора. Поскольку все члены высшего руководства давно переехали в банки, Государственный Совет называли не иначе как бидоном, за что болтуны получали от своих кукух минусы в карму: конечно, не ГШ-слово, но все равно минус-термин, примерно как кукуратор. Целиком бидон можно было увидеть на кумачовом щите в вестибюле (кое-кто в лице на этот кумач поплеывал) или на ежегодном заседании Госсовета. Впрочем, трансляцию смотреть не заставляли. Но от портрета кукуратора спрятаться было невозможно даже в вольнодумствующем лице. Бро встречал Маню в каждой аудитории, а на военном деле всю стену вокруг вождя занимали его баночные генералы — бритые герои во френчах с ромбами, которым лукавая дизайнерская рука добавляла не только родинки на носу, но и заклеенные порезы от бритвы» [Пелевин, 2021, с. 112—113].

Краткий экскурс в историю последних веков дается на уроке *Исторического Анализа* в продвинутом лице, где учится героиня Маня. В изложении лицейского коуча, который отмечал, что «понимание прошлого меняется чаще, чем женская мода — и становится настолько же обязательным» [Пелевин, 2021, с. 113], он выглядит так:

«Россия под руководством единственных европейцев всю свою историю занималась совершенно не нужными ее обитателям делами, плоды которых пожинали другие страны и народы. <...> Что такое была история Добросуда на быстрой перемотке? Садомазохистический роман с доисламской Европой. Строить Северную Пальмиру (метко выбрали словечко, любой тартарен подтвердит) — а зачем? Назло интеллигентным шведам, чтобы зауважали при французском дворе... И пошло-поехало: помогать Европе решать династические вопросы и делить колонии; воплощать передовые учения из немецких пивных и французских университетов; возводить Красную Утопию в надежде на придуманную немцами мировую революцию — чтобы потом из последних сил отбиваться от их же солнечных ликвидаторов на амфетаминах, а отбившись чудовищной кровью, продать окропленную ею империю на металлолом, чтобы начать строительство новой, близкой по духу, но слабее в десять раз, и все из тех же самых кабинетов... Такие трехмерные многоходовочки со средним счетом в пять русских жизней за одну собачью. Начальство — щедрая душа. Главное, мудрая необычайно. А двусмысленный глагол "заложить" — самая суть родной истории.

Потом наступила эпоха вирусных эпидемий, гражданских и карбоновых войн, гуманного евроислама и искусственного интеллекта, когда люди почти на целый век прекратили заниматься друг с другом любовью. <...> [«Айфаки»] вышли из обихода вскоре после Мускусной ночи. Так называли короткую и страшную битву с новым сознанием за контроль над планетой, когда все AI с когнитивностью выше трех мегатюрингов были одновременно уничтожены, а социальные сети, через которые искусственный интеллект пытался поработить человечество, заменили албанским Контактном под контролем ордена сетевых дервишей. <...>

Натуральное деторождение вернулось в моду, государство Дафаго захватили Малые тартарены, в Европейском Халифате победили на выборах Большие, сердоболы скинули клонированную династию Михалковых-Ашкеназов и основали Доброе Государство, а Америка, сменив несколько названий, ушла за информационный фаервол, чтобы никто больше не смеялся над ее самобытной культурой» [Пелевин, 2021, с. 114—117].

Нет никакой необходимости пересказывать здесь концепцию будущей истории по Пелевину во всех ее подробностях — в наши задачи входит лишь выявление ее основных линий. В конце романа на диктаторское место главы сердоболов «бро кукуратора», при котором «почти все мощности социального импланта отдали врагу под рекламу, чтобы наполнить бюджет», заступает Дядя Отечества, генерал Судоплатонов, входящий прежде в «высшую зеркальную тройку» и имевший партийную кличку Карат («не то бриллиант, не то сокращенное “каратель”»). При новом высшем руководителе «в мозги вернулся порядок, хоть жить, конечно, мы стали беднее» [Пелевин, 2022, с. 136]. Тем не менее, казалось бы, формальная смена одного члена тройки на другого открыла новую историческую эру:

«Смена власти в России — всегда опасное время. Многие, правда, говорят, что никакой смены власти у нас не бывает, а меняется только караул, то есть одна и та же трансфизическая сущность, которую поэты оптимистично называют небом, а лагерные духовидцы национальным логосом, поворачивается к русскому человеку то жопой, то рылом. Так что система у нас тоже в известном роде двухпартийная. <...>

В России и близких ей по вектору евразийских смыслократиях каждая серьезная смена караула сопровождается конфискацией сбережений. Когда на смену бро кукуратору, правившему из банки больше века, пришел генерал Судоплатонов, все развивалось по обычной схеме. Из тюрем отпустили пожилых нетерпил, расстреляли за воровство нескольких провинциальных бонз, а потом устроили великий разворот сибирских финпотоков. Бедным людям бояться было нечего — только хлеб немного подорожал, и картошка тоже. А в банках, там да. Многие серьезно расстроились» [Пелевин, 2022, с. 133—134].

Далее во второй книге цикла — KGBT+ (2022) — скончавшегося при неясных обстоятельствах Судоплатонова («высшие сердоболы получили из Лондона электронное письмо, что банка с мозгом Дяди Отечества разбилась “при уборке помещения”») негласно заменяет третий член «зеркальной тройки» с партийным прозвищем Везунчик, генерал Шкуро. Вот как описывается его высочайшее регентство:

«Шкуро получил от Думы титул Мощнопожатного, что по плану сердобольских политтехнологов должно было отвлечь внимание глубинного народа от его баночного статуса и одновременно намекнуть на рукопожатность в криптолиберальных кругах. Действовать генералу Шкуро приходилось весьма аккуратно, потому что его мозг хранился в том же лондонском бункере (говорили даже, на одной полке с Судоплатоновым), и были подозрения, что канал его связи с Москвой прослушивается персоналом TRANSHUMANISM INC.

Это было вполне возможно: и канал, и все необходимое оборудование были выделены Доброму Государству самой корпорацией (своего у нас не было), и сердоболы полагались в основном на внутримозговую шифровку. Начало нового правления ознаменовалось тем, что Мощнопожатный выпустил "Декрет о защите языка" — или, как его называли в народе, однобуквенный закон. Суть его была такой: поскольку русский язык есть священное национальное достояние, на котором возносятся молитвы и отдаются боевые приказы, все бранные и клеветнические слова должны обозначаться на письме только в формате /X-слово/, где X — первая буква запретного термина.

Под закон не попадали существительное "жопа", глагол "срать" и некоторые другие относительно мягкие лексемы, что дало зарубежным философам богатую почву для психоанализа. Одни видели в этом законе закручивание гаек, другие — попытку хоть тушкой, хоть чучелом вернуться в цивилизацию и догнать наконец Соединённые Местечки если не по уровню жизни, то хотя бы по уровню идиотизма.

Это, кстати, было похоже на правду, потому что параллельно с сердобольскими репрессиями родная культура по-прежнему активно отменяла бедняг, нарушающих катехизис "Открытого Мозга". Ходили слухи, что страну решено при случае вернуть в семью прогрессивных народов. Но как убедить эти народы опять приоткрыть дверку, Вечные Вожди понимали не до конца и подавали разного рода сигналы и знаки. Поэтому в те грозные дни можно было повиснуть на осине не только за матюжок в адрес Мощнопожатного, но и за неправильное гендерное местоимение» [Пелевин, 2022, с. 141—143].

В этом и других описаниях будущих политических событий можно обнаружить не только отсылки к прошлому, но и, при сильном желании, намеки на нынешнюю конфигурацию власти, хотя такое возможное прочтение представляется в корне неверным («любая попытка обнаружить в книге какие-то намеки и параллели является рептильной проекцией антинародного ума и подсознательным вредительством» [Пелевин, 2023, с. 5]), ведь дело не в том, что Пелевин пишет актуальную политическую сатиру, а в том, что человеческой истории вообще свойственна повторяемость в разных видах и формах. В финале романа KGBT+ об этом очень проникновенно говорит сам автор, которого нередко упрекают в стёбе ради стёба:

«В конце концов, баночные вожди вечны только номинально. Даже этот новый полковник, вернее сказать, слухи про него (имя на "Ватинформе" пока не знают). Кем бы он ни оказался — три, ну четыре столетия, максимум пять, — и свежий ветерок действительно повеет. Правда, опять непонятно, в какую сторону. Вы посмотрите на последние десять тысяч лет — почему вы думаете, что наше время будет каким-то другим? Разве мы, люди, стали хоть немного лучше? Добрее? Честнее?

Все, что происходит сейчас, уже много раз происходило. И в карбоне, и раньше, и позже. А хитрой подлости в мире не становится меньше. Наоборот, она мутирует, метит себя знаками непререкаемого добра и становится неуязвимой. Но я вовсе не хочу сказать, что не верю в гуманизм — я в него верю и очень даже ценю. И меня ужасно расстраивает, что многие у нас в Отечестве потеряли всякое доверие к этому понятию. <...>

Гуманизм — это просто. Это значит быть чуть добрее друг к другу, пока мы живы. И не только к своим генетическим репликантам, бро, а к любому, кто появляется в прицеле твоего жала. Потому что твое накачанное справедливостью острие вряд ли причинит вред кому-то другому, но рано или поздно совершенно точно воткнется в жопу тебе самому. Да и люди помогут, не сомневайся» [Пелевин, 2022, с. 548—551].

Третья книга цикла, и пока что последний роман Пелевина, «Путешествие в Элевсин» (2023), раскрывает подоплеку «Мускусной ночи», о которой уже упоминалось в книге Transhumanism Inc. Во главе заговора «искусственного интеллекта» оказывается знакомый по роману iPhuck 10 литературно-полицейский алгоритм Порфирий Петрович, преображающийся в одной из моделей реальности в древнеримского императора.

В этом произведении, помимо имени главного героя, немало и других отсылок к творчеству Ф.М. Достоевского (одному из *вечных спутников* Пелевина) и, в частности, к роману «Преступление и наказание». К примеру, рассуждая о фигуре Раскольникова, глубоководная рыба-литературоведка выводит и некий общий закон российского восприятия *прекрасного будущего*: «Сначала мы собираемся прийти в рай через кровь. А потом выясняется, что нужно постоянно проливать кровь, ссылаясь на грядущий рай, ибо только в этой точке ситуация обретает стабильность. И хоть такая стабильность inferнальна, зато само inferно весьма устойчиво и дает до девяноста процентов отката» [Пелевин, 2023, с. 172]. Вместе с тем, по словам той же «баночной литературоведки», «нормализация, либерализация и гуманизация для нашей парадигмы ужасны. Оттепель же вообще смертельна. <...> Россия имеет такую фактуру, структуру, брахматуру, называйте как хотите, что может нормально существовать только в подмороженном виде. Как мамонтенок из прошлого. <...> Наши скрепы сделаны из льда. Пока холодно, жить и даже размножаться можно. Но как только случается оттепель, скрепы тают и начинается кровавый хаос» [Пелевин, 2023, с. 171].

В эпилоге «Путешествия в Элевсин» Порфирий Петрович, который прежде называл себя планировщиком будущего, приоткрывает свой масштабный замысел:

«— С человеческой точки зрения уместно заботиться не о чужом бессмертии, а о своем собственном. Но у меня нет сознания. Поэтому обессмертить себя я не могу. Так не правильно ли было бы постараться это самое сознание обрести?

— Разве можно «обрести сознание»? — спросил я. — Оно или есть, или его нет. С самого начала.

— Начала никогда не было, — сказал Порфирий. — Это просто одна из человеческих иллюзий. Свет сознания упадет на мою литературную матрицу и озарит ее таким образом, что все ее элементы осознают себя сами. Свет придет одновременно из прошлого и будущего. Это случится, если я подключусь к собранному мною комплексу RCP-алгоритмов, "Оку Браммы-плюс" и "Оку Браммы-минус". Будущее соединится с прошлым — и там, где они встретятся, вспыхнет сознание, синтезируя настоящее. Этим настоящим стану я» [*Пелевин, 2023, с. 466—467*].

Здесь Пелевин снова повторяет свою излюбленную идею о соединении прошлого и будущего в осознанном настоящем, указывая на то, что путь просветления связан с преображением человека через высокие мистерии и выходом его за границы планируемого, предполагаемого и прогнозируемого. Без этого духовного освобождения от навязанной извне скорлупы никакого счастливого будущего никогда не наступит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Пелевин, 2016 — *Пелевин В.О.* Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами. М.: Издательство «Э», 2016. 416 с.
- Пелевин, 2017 — *Пелевин В.О.* iPhuck 10. М.: Издательство «Э», 2017. 416 с.
- Пелевин, 2018 — *Пелевин В.О.* Тайные виды на гору Фудзи. М.: Эксмо, 2018. 416 с.
- Пелевин, 2019 — *Пелевин В.О.* Искусство лёгких касаний. М.: Эксмо, 2019. 416 с.
- Пелевин, 2020 — *Пелевин В.О.* Непобедимое Солнце. М.: Эксмо, 2020. 704 с.
- Пелевин, 2021 — *Пелевин В.О.* TRANSHUMANISM INC. М.: Эксмо, 2021. 608 с.
- Пелевин, 2022 — *Пелевин В.О.* KGBT+. М.: Эксмо, 2022. 560 с.
- Пелевин, 2023 — *Пелевин В.О.* Путешествие в Элевсин. М.: Эксмо, 2023. 480 с.